

ТАКАЯ РАЗНАЯ «НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ»

Дериглазова Лариса Валериевна

Томский государственный университет,

Томск, Россия

dlarisa@inbox.ru

Аннотация. Статья является частью дискуссии о применении термина «новая нормальность» для анализа современной системы международных отношений. Автор предлагает три тезиса и приводит примеры в обоснование своей позиции. Первый тезис заключается в том, что понятие «новой нормальности» широко используется в разных сферах взаимодействия помимо международных отношений. В условиях пандемии Covid-2019 данное понятие является популярным мемом, в том числе и в международных отношениях. Второй тезис содержит утверждение о том, что понятие «нормальности» предполагает согласие акторов системы по поводу содержания и масштаба данного состояния. При этом интерпретация «норм» и «нормальности» часто не совпадают у участников международных отношений. Третий тезис обосновывает наличие разных оценок событий и явлений, меняющих привычное состояние системы отношений и определяющих «новую нормальность». В качестве примеров приводятся случаи России, США, стран Европы, ООН. В заключении автор предлагает учитывать в анализе международных отношений конкретное понимание «нормальности» и событий, которые ее меняют. Кроме того, важен учет масштаба анализируемой «нормальности» и оценок других акторов системы конкретной ситуации как соответствующей норме в рамках их систем координат «норм» и «нормальности».

Ключевые слова: нормальность, норма, пандемия, Россия, США, мировая система, международные отношения.

Цитирование: Дериглазова Л.В. Такая разная «новая нормальность» // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 3. С. 190–197. DOI 10.18522/2500-3224-2021-3-190-197 / Deriglazova L.V. Such a Different "New Normal", in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No 3. Pp. 190–197. DOI 10.18522/2500-3224-2021-3-190-197.

© Дериглазова Л.В. 2021

SUCH A DIFFERENT “NEW NORMAL”

Deriglazova Larisa V.

Tomsk State University,

Tomsk, Russia

dlarisa@inbox.ru

Abstract. Article is a part of the discussion of the notion of new normal/normality in analysis of current status of international relations. Author suggests three theses and gives examples in support of her opinion. The first thesis insists that the notion of new normal/normality is widely used in various areas of people interactions beyond international relations. During pandemic of Covid-2019 “new normal” becomes a popular meme including the sphere of international relations. The second thesis maintains that the notion of “new normal” suggests existence of a covenant of actors of a system in regard to content and scale of such situation. Indeed interpretation of “norms” and “normality” often diverge among participants of international relations system. The third thesis argues that there are many different evaluations of events that change current system of interaction and that determine “new normal”. Examples include cases of Russia, USA, European countries and United Nations. In conclusion author suggests considering in analysis of international relations specific understanding of the “normality” and events that it has changed. Also it is important to consider scale of analysed “normality” and evaluations of concrete events by different actors of the system in accordance to their system “norms” and “normality”.

Keywords: normality, norm, pandemic, Russia, USA, world system, international relations.

Для обсуждения проблемы «новой нормальности» я бы хотела предложить три тезиса, которые отражают мое понимание относительности и неоднозначности данного понятия применительно настоящего состояния мировой системы и оценок изменений в ней. Во-первых, понятие «новой нормальности» не является исключительно прерогативой аналитиков мировой политики, это скорее сверхпопулярный мем в условиях пандемии Covid-2019. Во-вторых, восприятие «нормальности» как соответствие норме разительно отличается у разных участников международного взаимодействия в одно и то же время. В-третьих, понятие «новой нормальности» отражает принятие какого-то события или явления, которое меняет парадигму «нормальности», однако оценки значимости этого явления или события также могут различаться у акторов мировой политики. Я постараюсь обосновать тезисы в поддержку своей позиции.

Тезис 1. Понятие «новой нормальности» не является прерогативой аналитиков мировой политики.

Предложение обсудить тему «новой нормальности» выявило любопытное обстоятельство. Это понятие является популярным в самых разных сферах жизни современных обществ, в том числе, в далеких от мира международных отношений. Особенно популярным данное словосочетание стало в 2020 г., когда «новая нормальность» стала описанием жизни миллиардов людей в условиях глобальной пандемии. «Новая нормальность» — одно из самых популярных названий документальных фильмов и передач о пандемии и жизни в условиях пандемии в разных странах¹. Би-Би-Си (BBC) с апреля по июль 2020 г. транслировала передачу «The New Normal» с ведущим Уильямом Кроули, где приглашенные гости обсуждали с ведущим жизнь в условиях пандемии и локдауна². Понятие «новой нормальности» используют вне связи с пандемией или мировой политикой. Под названием «Новая нормальность» фирма Армани выпускала линейку одежды, выходил американский ситком в 2012–2013 гг., и в ноябре 2020 г. вышла американская кинокомедия. Можно найти большое количество подкастов с этим названием.

Несомненно, рассуждение о «новой нормальности» сегодня будет связано с пандемией, которая почти мгновенно изменила формы жизни и способы общения людей в разных странах мира. Многие массовые формы жизни и взаимодействия, которые являлись нормой, были ограничены, а способы взаимодействия, имевшие достаточно ограниченное применение, стали стремительно массовыми. Во многих странах мира, включая Россию, произошел взрывной рост рынка интернет-продаж и бесконтактной оплаты покупок, произошел массовый переход на дистанционные формы обучения, сотни миллионов людей стали работать из дома и т.д. При этом произошло крушение туристического сектора, сектора международных пассажирских перевозок, сектора гостеприимства и общественного питания. Эти изменения обсуждались экспертами с использованием термина «новая нормальность», начиная с весны 2020 г. [См., например, Локтионова, 2020].

¹ См., например, фильм, вышедший в Великобритании в январе 2021 г. «The New Normal Documentary» производства happen.network. URL: <https://muse.ai/v/CRFPmJ1-The-New-Normal-Documentary-by-happennetwork>.

² См.: <https://www.bbc.co.uk/programmes/p0893rld>.

Тезис 2. Восприятие нормальности отличается у разных участников международного взаимодействия в одно и то же время.

Система международных отношений и характер взаимодействия в ней являются постоянным объектом дискуссий. Нет ничего более наглядного в этой связи, чем сравнительное изучение учебников национальной истории и истории международных отношений в разных странах. Характер международного взаимодействия, принципы и нормы, на которых они строятся, место и роль своей страны в международной системе, — все это по-разному оценивается в разных странах. Даже в таком, казалось бы, монолитном «Западе», видение мирового порядка и норм, его формирующих, отличается у представителей, например, США, Германии и Греции.

Восприятие системы международных отношений в разных регионах мира и аналитический инструментарий тем более отличаются. В 1990-е гг. исследователи критические оценивали использование доминирующих теорий международных отношений и их базовых концепций применительно стран третьего мира. Тогда исследователи указывали на наличие противоречий между используемыми концепциями, основанных на аналитическом инструментарии западной политической науки, и описываемой реальностью стран третьего мира [См., например, Clapman, 1996; Neuman, 1998].

В 1990-е гг. начался радикальный пересмотр представлений о системе международных отношений и нормах международного взаимодействия в тех странах, которые стремились стать частью западного мира после распада биполярной системы. Бывшие страны Восточного блока переосмысливали собственную историю и место своей страны в международной системе предшествующего периода в гораздо большей степени, чем страны «старого Запада». Российская Федерация — яркий тому пример, как и страны Центральной и Восточной Европы, страны бывшего СССР.

Другим примером использования термина «нормальность» является политика стран Запада в отношении России после 1991 г. Западные страны реализовывали политику реформ под условным названием «нормализации», то есть приведение политической системы и внешнеполитического поведения РФ в соответствии с нормами и ожиданиями стран Запада. «Нормальная» Россия должна была отказаться от великодержавных притязаний и особых интересов в отношении стран бывшего СССР и Восточного блока, ее политическая система должна была соответствовать принципам демократии, верховенства права и уважения прав человека, а экономическая система должна была базироваться на принципах рыночной экономики. То есть, реформированная Россия должна была стать «обычной», «нормальной» страной с предсказуемым внешнеполитическим поведением и системой действующих институтов и норм в рамках демократической парадигмы.

Причем такая постановка проблемы вовсе не предполагала принуждения России к реформам и к принятию новых норм. Политические лидеры постсоветской России на протяжении всего времени подчеркивали свою приверженность демократизации и реформированию России на пути в содружество развитых стран западной демократии. Современное состояние отношений РФ со странами Запада основано

на понимании того, что РФ не является «нормальной» страной [См., например, Laguelle, 2016; Kratochvil, 2008; Snyder, 2018]. Можно привести многочисленные подтверждения тому, что в России на уровне политических элит и населения страна не воспринимается как «обычная» (normal) страна, а является великой державой и претендует на особое место в мире. Причем как российские политики, так и простые россияне, полагают, что величие России основано на военной силе. Вспоминая более чем тридцатилетний путь реформирования и демократизации России, можно попытаться ответить на вопрос: «Когда Россия была «нормальной» и соответствовала парадигме демократических реформ?» Почти каждый год в истории пореформенной России является основанием для дискуссии по этому вопросу как внутри страны, так и за ее пределами.

Рассуждая о «нормальности» в мировом масштабе можно рассмотреть ООН, как глобальную и наиболее инклюзивную международную организацию с признанной системой институтов и договоров, регулирующих деятельность ее институтов. Однако ООН постоянно меняется с момента создания в 1945 г., и нередко разные страны трактовали по-разному договоры, нормы и принципы международного права как в период холодной войны, так и после окончания биполярного противостояния [См., например, Gaiduk, 2012]. Один из самых застарелых конфликтов, в урегулировании которого участвует ООН, — палестино-израильский, дает массу примеров для диаметрально противоположных оценок одних и тех же событий и решений ООН разными странами и акторами международных отношений¹.

В 2010-е гг. западные эксперты и политики все чаще называют РФ и Китай «реви-зионистскими державами» (revisionist powers), то есть такими, которые пытаются изменить систему отношений, выстроенную западными странами и основанными на их интерпретации норм международного сотрудничества [Mead, 2014]. Это означает, что существующая «нормальность» мировой системы не исключает наличия стран, которые выступают с ее критикой изнутри, пытаясь настаивать на необходимости коррекций в соответствии со своими представлениями о нормах и нормальности.

Тезис 3. Значимость события или явления, меняющего «нормальность» и приводящего к «новой нормальности», может по-разному оцениваться разными акторами мировой политики.

Проблема определения точки изменения системы в результате какого-то события или явления также является предметом споров среди экспертов. Понятие реперной точки, точки бифуркации, кризиса — это термины, которые предлагаются для фиксации события, меняющего систему. Многие эксперты полагают, что войны приводят к перестройке мировой системы на основе нового баланса сил и интересов [См., например, Gilpin, 1997]. Большие политические потрясения как революции, например, в России в октябре 1917 г., несомненно, влияли на всю систему международных

¹ См., например, подборку пресс-релизов ООН по поводу конфликта на сайте ООН. URL: <https://www.un.org/press/en/palestinian-issues>.

отношений, включая периферию. Однако, оценка самого события разнится как на пространстве мировой политики, так и во времени. Драматическая переоценка событий 1917 г. произошла в России после 1991 г., когда более важным событием стала считаться февральская революция, а ноябрьская революция стала официально характеризоваться как «захват власти» большевиками.

Организаторы этого обсуждения выбрали 2008 г. для обсуждения «новой нормальности» как год начала глобального экономического кризиса. Действительно, экономический и финансовый кризис 2008–2011 гг. оказал огромное влияние на многие экономики мира, включая США и страны Европейского союза. Безработица, падение ВВП, кризис еврозоны и спасение «евро», долговые программы стран ЕС на грани дефолта (Греция, Испания, Кипр), спасение отдельных национальных отраслей экономики в США — все это сопровождалось массивными интервенциями государств для спасения финансовой и экономической системы и во избежание социальных и политических потрясений. Однако, был ли кризис таким же значимым для всех стран и регионов мира?

Для России более существенным оказался финансовый и экономический кризис вследствие санкций 2014 г., однако в странах, которые ввели эти санкции, экономического спада не произошло. Динамика курса рубля, инфляции и индекса изменения ВВП РФ показывают незначительное влияние кризиса 2008–2011 гг. на российскую экономику и значительное влияние — санкций. Режим санкций является «новой нормальностью» для РФ, однако оценка этого вызова для экономики, политики, международных отношений и общества — предмет споров как внутри РФ, так и за ее пределами.

Одно и то же событие может иметь незначительные последствия для функционирования системы, а может определить все дальнейшие трансформации. Можно сравнить значимость распада Восточного блока для стран Запада и для самих стран Восточного блока; распад СССР для стран бывшего СССР и стран вне него; значение перестройки в СССР для жителей страны и для внешних игроков. Масштаб, последствия и значимость перемен являются несопоставимо разными. Многие историки обращали внимание на то, что важное значение имеет не сама проблема и ее масштаб, а то, как на эти вызовы реагирует конкретное общество. Арнольд Тойнби отмечал, что для некоторых обществ вызовы являются стимулами развития и ссылался, в том числе, на историю российского государства в противостоянии с внешним давлением [Тоупбе, 1947, р. 239–240].

Если взять за точку отсчета «новой нормальности» 2008 г., то стоит вспомнить, что год был полон других важных событий, которые оказали огромное влияние на мировую политику. В феврале 2008 г. автономный край Косово и Метохия объявили о своей независимости от Сербии, и это решение было признано многими западными странами. Важным кризисом 2008 г. для международных отношений стала августовская война РФ с Грузией в период летних Олимпийских игр в Пекине, и последующее признание РФ независимости Южной Осетии и Абхазии, и непризнание их независимости большей частью стран мира. Весной 2008 г. на президентских

выборах в РФ победил Д.А. Медведев, с президентством которого связывают непродолжительный период либерализации внутренней и внешней политики современной России. В США в ноябре 2008 г. на президентских выборах победил Барак Обама с его программой перемен, и это событие стало одним из сильнейших потрясений для всей политической системы США.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2020 г. «новая нормальность» стала мемом, что заставляет более активно осознавать неустойчивость и призрачность нормы и вечный переход от устоявшейся нормы к «новой норме» и «новой нормальности». В этом отношении мировая система дает множество примеров постоянной модификации норм, их трактовки и того, что является «нормальностью». Фантастический роман Герберта Уэллса «Война миров», предложенный инициаторами дискуссии в качестве отправной точки обсуждения состояния международных отношений с точки зрения «новой нормальности», удивительным образом соответствует реалиям сегодняшнего мира. Роман повествует о вторжении сверх-развитой цивилизации марсиан на землю. Неожиданную победу землянам обеспечило не их военно-техническое превосходство над марсианами, а неподготовленность марсиан к болезням планеты. Ирония ситуации 2020 г. заключается в том, что глобальная пандемия показала недостаточную готовность землян противостоять вирусам не столько по научным и технологическим причинам, сколько по причинам антропологическим, политическим и социальным.

Пандемия показала, что современное глобальное общество с его высокой мобильностью и интенсивностью контактов создает идеальные условия для стремительного распространения вируса по всей планете. Пандемия выявила, насколько современные люди являются уязвимыми – психологически и физически, при резком ограничении социальных контактов. Пандемия вскрыла высокое недоверие людей политикам, и то, что политики используют пандемию в своих политических целях и во вред интересам граждан своих стран. Пандемия обнаружила, насколько люди во многих странах являются необразованным с точки зрения базовых знаний биологии и гигиены. И если в романе Уэллса земляне спасают земные бактерии от порабощения марсианами, то сегодня земляне становятся жертвами собственных действий, когда не могут мобилизовать имеющиеся возможности для спасения сотен тысяч жизней.

По моему мнению, содержание и интерпретацию «новой нормальности» во многом определяют те акторы, которые предлагают данное словосочетание для объяснения происходящего. Поэтому «новая нормальность» всегда будет иметь определенную привязку к тому, что принимается за «нормальность», и какие именно события рассматриваются как меняющие *status quo*. При обсуждении «новой нормальности» важно учитывать, каков масштаб этой «нормальности» для других акторов системы, и насколько они воспринимают данную ситуацию как соответствие норме в рамках собственной системы координат норм и нормальности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Локтионова М.В. «Новая нормальность»: как изменится Россия после пандемии // *Газета*. 28.04.2020. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/04/28/13065343.shtml> (дата обращения – 29 июля 2021 г.)

Gaiduk I.V. *Divided together: The United States and the Soviet Union in the United Nations, 1945–1965*. Wash., DC: Wilson Center Press, Stanford University Press. 2012. 328 p.

Kratochvíl P. The discursive resistance to EU-Enticement: The Russian elite and (the lack of) Europeanisation // *Europe-Asia studies*. 2008. Vol. 60. № 3. Pp. 397–422.

Laruelle M. Russia as an anti-liberal European civilisation // *The new Russian nationalism: nationalism, ethnicity and authoritarianism, 2000–2015*. Ed. by Kolsto P., Blakkisrud H. Edinburgh: Edinburgh university press, 2016. Pp. 275–297.

Mead W.R. The return of geopolitics. The revenge of revisionist powers // *Foreign Affairs*. May–June 2014. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2014-04-17/return-geopolitics> (дата обращения – 4 августа 2021 г.)

Snyder T. *The road to unfreedom: Russia, Europe, America*. New York: Tim Duggan books, 2018. 359 p.

Toynbee Arnold J. *A study of history*. Abridgement of vols. 1–6 by D.C. Somervell. New York and London: Oxford University Press, 1947. xiii, 617 p.

REFERENCES

Loktionova M.V. “Novaya normal’nost’”: kak izmenitsya Rossiya posle pandemii [“New normal”: how Russia will change after the pandemic], in *Gazeta*. 28.04.2020. Available at: <https://www.gazeta.ru/social/2020/04/28/13065343.shtml> (accessed 29 July 2021)

Gaiduk I.V. *Divided together: The United States and the Soviet Union in the United Nations, 1945–1965*. Wash., DC: Wilson Center Press, Stanford University Press. 2012. 328 p.

Kratochvíl P. The discursive resistance to EU-Enticement: The Russian elite and (the lack of) Europeanisation, in *Europe-Asia studies*. 2008. Vol. 60. No 3. Pp. 397–422.

Laruelle M. Russia as an anti-liberal European civilization, in *The new Russian nationalism: nationalism, ethnicity and authoritarianism, 2000–2015*. Ed. by Kolsto P., Blakkisrud H. Edinburgh: Edinburgh university press, 2016. Pp. 275–297.

Mead W.R. The return of geopolitics. The revenge of revisionist powers, in *Foreign Affairs*. May–June 2014. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2014-04-17/return-geopolitics> (accessed 4 August 2021)

Snyder T. *The road to unfreedom: Russia, Europe, America*. New York: Tim Duggan books, 2018. 359 p.

Toynbee Arnold J. *A study of history*. Abridgement of vols. 1–6 by D.C. Somervell. New York and London: Oxford University Press, 1947. xiii, 617 p.

Статья принята к публикации 28.08.2021